

С. Б. Никонова¹

«НОВАЯ ЭТИКА» И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ОСНОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ПРОЕКТА МОДЕРН

Недавно на просторах Интернета довелось найти высказывание современного французского мыслителя П.-А. Тагиеффа, который очень кратко обобщил основные принципы современной интеллектуальной идеологии Запада. Они были сведены к следующим положениям: 1) *обмен* (диалог, интеракция, торговля, инклюзия и т. д.); 2) *смешение* (метисизация, гибридность и т. д.); 3) *разнообразие* (дифферентность, мультикультурность и т. д.); 4) *изменение* (прогресс, развитие, флюидность, инновация и т. д.)². В этих четырех положениях выражены основные ценностные достижения западноевропейского модерна, на которых базируется большинство его разнообразных достижений за последние несколько столетий, и само его отличие от прочих культурных традиций. На идее обмена держатся торгово-экономическая политика общества буржуазного типа, развитие коммуникационных технологий, диалог между различными культурными типами. Смешение — это путь к глобализации, а также к признанию равенства между людьми. Разно-

образие — признание возможности различных способов жизни и способов мироописания, путь к развитию свободной конкуренции, множеству информационных потоков. Изменение — тяга к инновациям и прогрессу, открытие новых земель и развитие науки и технологий, а также уверенность в возможности рационального переустройства общества. В общем смысле это можно соотнести с идеалами Просвещения — свободой, равенством и братством, а также со следующим в итоге революционным изменением общества.

А. де Бенуа, говоря о «пути стирания различий» как о пути Запада, возводит идею смешения к истокам европейской цивилизации, а именно к возникновению монотеизма, который нивелирует все культурные и этнические различия перед лицом единственной истины. Он также цитирует Тагиеффа: «Глобальное смешение... напоминает асфальтоукладочный каток, который трамбует все культуры до гомогенной массы, а потом и вовсе отменяет культурное разнообразие»³.

Все это наводит на мысль, что налицо противоречие: идеи разнообразия и смешения одновременно ведут друг к другу и друг друга опровергают. Собственно говоря, это логическая проблема. Абсолютное разнообразие есть абсолютное смешение, а значит, абсолютная неразличимость и гомогенность. Такое логическое следствие описывалось еще в досократической

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, член Ученого совета, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление», «Экологическая эстетика: проблемы и границы» (в соавт.), «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия» (в соавт.), учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др. Главный редактор журнала Российского эстетического общества «Terza Aestheticae».

² Французский взгляд : [телеграм-канал]. URL: <https://t.me/frvzgliad> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Бенуа А. де. По пути стирания различий. URL: https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/po_puti_stiraniya_razlichiy.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

философии. Согласно Анаксимандру, «миры» возникают при циклическом переходе от полной разделенности первоэлементов к их полному смешению и обратно. При этом полная разделенность и полное смешение означают гибель этих миров. Но если это логическое следствие доведения до предела, обуславливающее цикличность мира в тот момент, когда мир существует, очевидно, до предела эта логика не доведена.

Это сравнение может помочь нам понять, что идеи, положенные в основу европейского модерна, послужили формированию особого динамичного, интенсивно развивающегося типа культуры, в высшей степени продуктивного в своих достижениях. Даже если те содержат в себе некое противоречие, на определенном этапе оно способно стать поистине мирообразующим.

Однако вопрос, которым задаются упомянутые французские мыслители, возникает лишь на поздних стадиях развития проекта западной цивилизации. В этих новых условиях стало возможным и само выявление данных противоречивых идей в качестве ключевых констант.

Также эти идеи имеют самое прямое отношение к осмыслению совсем недавно давшего о себе знать феномена так называемой «новой этики».

«Новая этика» утверждает в первую очередь многообразие и множественность, а также необходимость равенства проявлений множественности вплоть до различимости. Так, например, сперва рациональное мышление модерна рождает идею равенства всех людей как мыслящих субъектов в их гражданских правах. Из этого следует, например, необходимость женской эмансипации. Традиционное общество утверждает онтологически обоснованную структурой созданного высшими силами миропорядка иерархию, в которой все существа распределены по нишам, подчинены определенному порядку. В нем обычно лидирующую позицию занимают мужчины-воины. Женщины, обладающие другим природным предназначением и другими физическими возможностями, должны играть иную роль. Поэтому женщина, которая претендует на исполнение роли, свойственной мужчинам, признается неправильной женщиной. Даже если по каким-то причинам она не осуждается и получает возможность играть эту роль, то скорее в качестве исключения или отклонения, ибо она идет наперекор онтологическому порядку мира. Но с точки зрения критической рациональности модерна, если женщина обладает свободной субъектностью, это делает ее неотличимой от мужчины, и она получает право выполнять любую роль, которая ей соответствует по ее собственному свободному выбору и индивидуальным характеристикам. Таким образом одновременно происходят гомогенизация и уравнивание, но в то же время и признание индивидуальных различий. Это приводит к тому, что женщина получает право заниматься той деятельностью, которую она выбирает сама в индивидуальном порядке, а не той, которая ей предписана высшим порядком мироздания.

Это совпадает с антропологическим поворотом в осмыслении человеком своего места в мире, с критикой метафизики и религии. Ни религия, ни метафизические инстанции больше не обосновывают порядок

универсума, и он оставляется на свободное суждение индивида. В итоге мы получаем общество, защищающее права индивидов, более гуманное и свободное, чем в прежние времена. Человек в этом обществе освобождается от диктата внешнеположенной силы, перестает быть рабом внешнего грозного установления, обретает в себе способность распоряжаться своей судьбой, творить, а также брать на себя ответственность за свои поступки.

В целом признание внутренней творческой способности человека было заложено еще в недрах христианского проекта, поскольку главное событие христианства — это воплощение Бога в человека, сообщающее людям о том, что Царство Божие внутри нас. Еще один французский мыслитель А. Кожев утверждал, что в итоге этого поворотного момента, связанного с верой в Боговоплощение, становится возможным даже развитие западной экспериментальной науки, то есть опытного познания физического мира. Примерно такой же ход прослеживается и в переходе от изначальной христианской идеи внутреннего индивидуального порыва человека к Богу к признанию творческой способности человека как центра мироздания и к секуляризации. По мнению современного итальянского мыслителя Дж. Ваттимо, секуляризация также является итогом христианского проекта. Как бы то ни было, внутренняя логика развития тех или иных мыслительных проектов часто приводит к противоположности.

То же, по сути, произошло и с самим проектом модерна. Мы уже говорили на примере женской эмансипации о том, что в какой-то момент признается равенство полов. Основой выбора является индивидуальное решение. Основой индивидуального решения — воля субъекта, которая обретает свободу самовыражения. И здесь в силу вступает идея многообразия. Индивидуальное решение — это проявление многообразия. Любое проявление многообразия должно получить свободу. Почему следует приравнивать права женщин к правам мужчин, как будто мужской пол является эталоном? Требуется не признание равенства женского пола с более полноценным мужским, а признание равенства двух разных полов именно в их различности. Но тогда почему только двух? А не трех, десяти, пятидесяти? Сколько вообще должно быть различных способов идентификации желаний? Видимо, столько же, сколько индивидов. И в своей полной различности они оказываются совершенно неразличимыми. Вот на этой стадии мы и сталкиваемся с ситуацией, которая приводит к возникновению «новой этики». Эта ситуация логически следует из предшествующих положений, но, по сути, доводит их до логического предела, отчего они становятся не похожи на то, что предполагалось изначальным порывом.

«Новая этика» сталкивается с двумя существенными проблемами, имеющими логический характер. Если «новая этика» утверждает равенство всех многообразных возможностей, провозглашает его как принцип, требует признания любых форм жизни, абсолютной толерантности ко всем, то, принятый в качестве закона, этот принцип делает противозаконными те формы жизни, которые этот закон не признают. Сло-

вом, толерантным следует быть ко всем, но следует ли быть толерантным к тому, кто не толерантен? Этот парадокс сродни парадоксу скептицизма, полагающего все суждения сомнительными, в то время как само скептическое суждение о сомнительности всех суждений остается несомненным. Все истины утверждаются как относительные, но утверждение относительности оказывается абсолютным. Таким образом принцип толерантности оказывается основанием для новой тотальной идеологии, не допускающей отклонения и уничтожающей несогласных. Этот парадокс либерализма подмечен уже давно. Американский философ Р. Рорти говорил о нем, предупреждая об опасности, и предлагал другие возможности развития либеральной идеи — в обход обобщающей логики, на основании развития индивидуального опыта эмпатии, провоцируемого расширением культурных познаний и описанием опыта многообразия и сложности человеческой жизни в искусстве. Однако недаром Рорти называет свой проект утопическим: отказаться от логического развития идеи для человека как рационального существа не так-то просто. Либерализм определенно пошел не в предложенном им направлении, а по пути логических обобщений, то есть выстраивания общих законов, направленных на торжество индивидуального (что само по себе парадоксально).

И здесь мы сталкиваемся со второй проблемой, которая и стала главной для утверждения «новой этики» в качестве «этики отмены». Мы уже видели намек на это, когда говорили о женской эмансипации. Признание равенства женщин было правом, которое женщины должны были вытребовать у мужчин. То же самое с сексуальными меньшинствами. Еще столетие назад гомосексуализм в западном мире карался как преступление по закону. Этому «отклонению» должны были дать право на существование с точки зрения «нормы», и только потом можно было признать условной саму норму.

И в области расового равенства: демократия и либерализм — это изобретение европейцев, колонизировавших все континенты и насадивших там свою идеологию, включая и утверждение равенства разных рас. Это долго было противоречием, и точно так же еще столетие назад равенство рас признавалось только в стенах научных учреждений Европы, но на практике о нем и речи не было. Именно европейцы должны были для самих себя и для других распространить на всю социальную сферу идею равенства, дать эти права всем расам, признать, что те не хуже, чем европейская.

В конечном счете идеи равенства и многообразия — типично модернистские, внедрение их в любом случае обеспечивает Западу доминирующую позицию.

«Культура отмены» — слабая противоречивая попытка побороться с этим навязчивым доминированием. Эта борьба может происходить двумя путями: или требуется забыть основания своих притязаний на особость, отменить их, или поставить то, что раньше было отклонением, на место новой нормы, вновь нарушив идею равенства, но в обратную сторону. Самое интересное, что эта борьба, опять же, ведется в первую очередь не самими представителями многообразия, а авторами и проводниками трансформировавшейся таким образом модернистской идеологии. Бывшие поработители готовы встать в униженное положение перед бывшими поработителями фактически лишь для того, чтобы еще сильнее навязать им свое идейное господство.

Однако мы уже говорили о том, что сложные и прекрасные миры создаются не в точке абсолютного разделения или полного смешения, а на стадиях перехода. Так что, возможно, от логики доведения до предела стоило бы отступить. Выработанная европейским модерном идея многообразия и равенства дала нам множество прекрасных возможностей и достижений, которые смогут работать, если не доводить ее до абсурда и радикального противостояния.